

## Каедрa исторiи русскаго языка и словесности въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ съ 1805 по 1905 годъ.

Исполнившееся 17 января текущаго года столѣтіе Императорскаго Харьковскаго Университета естественно привлекаетъ вниманіе къ его прошлому, и естественно возникаетъ потребность сдѣлать хотя бы приблизительные подсчеты его ученой работы, его вліянія и культурнаго значенія, какъ въ дѣлѣ общаго развитія науки, такъ и въ отношеніи ея мѣстныхъ частныхъ примѣненій и ея развитія въ условіяхъ мѣстной жизни, по отдѣльнымъ каедрaмъ, въ трудахъ отдѣльныхъ профессоровъ и преподавателей, чтобы выяснитъ долю работы каждаго, воздать должное лучшему прошлому и съ благодарностью сохранить хорошія традиціи для лучшаго будущаго.

Долгое время въ русскихъ университетахъ каедрa исторiи русскаго языка и литературы представляла генетическое продолженіе старой риторики и піитики. Въ официальной терминологіи она называлась каедрой російскаго краснорѣчія. Первые ея представители въ Харьковскомъ университетѣ до 50-хъ годовъ смотрѣли на себя, какъ на ораторовъ или поэтовъ, по долгу службы, и почти все свое вниманіе сосредоточивали на разработкѣ стили. Высшей цѣлью была хорошая торжественная



рѣчь, и къ этой цѣли главнымъ образомъ стремилось университетское преподаваніе. Харьковскій университетъ слѣдовалъ за общимъ научнымъ теченіемъ; въ первое полустолѣтіе въ немъ господствовала риторика, во второмъ—историческое изложеніе.

Если не считать двухъ адъюнктовъ, Гонорскаго и Золотарева, дѣйствовавшихъ короткое время, изъ которыхъ одинъ—Гонорскій, человѣкъ способный и образованный, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а другой—Золотаревъ, весьма мало проявившій себя, былъ переведенъ въ Новочеркасскъ директоромъ гимназій, то профессура по кафедрѣ исторіи русскаго языка и литературы состояла изъ слѣдующихъ покойныхъ профессоровъ—Рижскаго, Срезневскаго (Ив.), Склабовскаго, Борзенкова, Якимова, Костыря, Метлинскаго, Ник. Лавровскаго и Потебни<sup>1)</sup>. За исключеніемъ одного адъюнкта Склабовскаго, бывшаго въ харьковскомъ университетѣ короткое время, но, несомнѣнно, выдававшегося талантами и знаніями, всѣ остальные были полноправными профессорами, занимали въ Харьковскомъ университетѣ видное мѣсто въ теченіе многихъ лѣтъ и принимали, кромѣ чтенія лекцій, участіе въ дѣятельности факультета и совѣта.

Первое условіе для необходимаго развитія дѣятельности заключается въ продолжительности жизни. Судьба была въ этомъ отношеніи скупа къ профессорамъ словесникамъ. Гонорскій скончался 28 лѣтъ, Костырь—35 лѣтъ, Склабовскій 38 лѣтъ, Срезневскій, Борзенковъ и Якимовъ 51 года, Рижскій 52 лѣтъ, Метлинскій и Потебня 56 лѣтъ и лишь одинъ Лавровскій добрался до 70 лѣтъ. Въ среднемъ на каждого пришлось около 50 лѣтъ—срокъ малый, и это обстоятельство тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что большая часть профессоровъ словесниковъ происходила изъ духовенства,—сословія, какъ извѣстно, наиболѣе здороваго и долговѣчнаго. Такъ, отъ родителей духовнаго званія были профессора Рижскій, Срезневскій, Борзенковъ,

<sup>1)</sup> Далѣе слѣдуютъ нынѣ дѣйствующіе профессора Н. Ѳ. Сумцовъ, М. Е. Халаевскій и А. П. Кадлубовскій.

